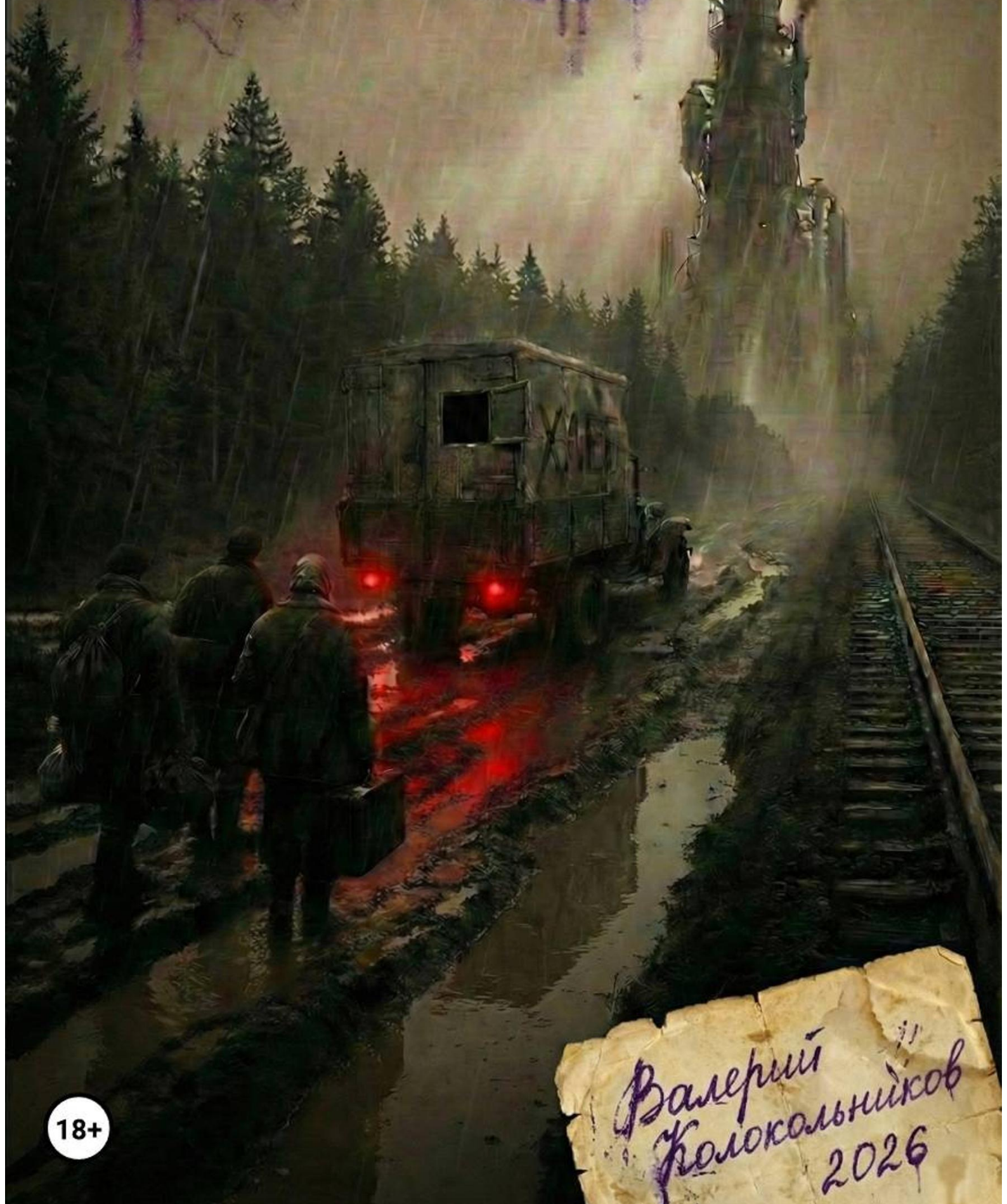

КОЛЕЯ

Валерий
Жолокольников
2026

18+

Валерий Колокольников

Колея

«Автор»

2026

Колокольников В.

Колея / В. Колокольников — «Автор», 2026

Историческая драма «Колея» основана на документальной истории семьи автора. В центре — судьбы братьев Шершеновичей, «харбинцев». Болеслав после репатриации в СССР в 1930-х попадает в жернова репрессий. Станислав — сотрудник спецслужб, который через доступ к секретным данным осознает преступную механику системы. Роман построен на контрасте: идиллия русской эмиграции в Китае против реальности сталинского СССР. Образы револьвера и фотоаппарата символизируют уничтожение и фиксацию памяти. Метафора «колеи» отражает предопределенность судеб в тоталитарном обществе, где личный выбор подавлен государственным механизмом. Персонажи — реальные исторические лица. Автор, прямой потомок героев, опирается на семейный архив и документы. С помощью анализа изображений воссозданы детали быта, что превращает частную историю в масштабную реконструкцию памяти и исследование универсальных механизмов подавления личности.

© Колокольников В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Историческая справка	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Коля

Глава

КОЛЯ

Историческая справка

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была спроектирована и построена Российской империей в конце XIX века как стратегическая магистраль, призванная обеспечить кратчайший выход к Тихому океану и закрепить влияние России в Маньчжурии. Идейным вдохновителем проекта выступил министр финансов С. Ю. Витте, а непосредственное руководство работами осуществлял инженер А. И. Югович. Правовой основой строительства стал секретный «Союзный договор между Российской империей и Китаем» (Ли-Лобановский договор), подписанный 8 сентября 1896 года. Изыскательские работы начались в 1897 году, тогда же на реке Сунгари был основан административный центр дороги — город Харбин. Официальное открытие магистрали, протяжённостью более 2500 километров, состоялось в 1903 году. Дорога пересекала горный массив Большой Хинган, где была построена стратегически важная станция Бухэду с уникальным депо и туннелями.

Строительство магистрали дало мощный импульс урбанизации региона, превратив пустынные территории в узлы мировой торговли. На базе пристанционных поселков выросли крупные промышленные и культурные центры, такие как Дальний (ныне Далянь), ставший одним из крупнейших портов Азии, и Чанчунь. Харбин, заложенный как временный рабочий поселок строителей, за несколько десятилетий превратился в современный многомиллионный мегаполис, сохранивший в своей основе российские принципы градостроительства и архитектурный облик.

За десятилетия существования дороги в Маньчжурии сформировалась уникальная социальная среда. В отличие от временных поселений, русские сотрудники КВЖД жили здесь оседло, целыми семьями. На станциях и в городах выросли поколения, для которых полоса отчуждения была единственным домом. Была выстроена полноценная гражданская инфраструктура: школы, гимназии, православные храмы, больницы, театры и библиотеки. Быт русских семей в Маньчжурии сочетал в себе дореволюционные традиции с техническим укладом железнодорожного ведомства, создавая преемственность поколений и ощущение глубокой укорененности на этой земле.

После поражения России в войне с Японией и подписания Портсмутского мирного договора 1905 года, южная ветка КВЖД отошла японской стороне, став Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). Оставшаяся часть магистрали перешла в режим совместного управления. 31 мая 1924 года между СССР и Китайской Республикой было подписано соглашение, закрепившее статус КВЖД как паритетного коммерческого предприятия.

В 1929 году из-за попыток китайской стороны захватить контроль над дорогой вспыхнул вооруженный конфликт, завершившийся победой Особой Дальневосточной армии и подписанием Хабаровского протокола, восстановившего советские права.

Положение русских сотрудников КВЖД резко осложнилось после оккупации Маньчжурии японскими войсками в 1931 году и провозглашения 1 марта 1932 года марионеточного государства Маньчжоу-Го. Японская военная администрация проводила политику жесткого вытеснения советского персонала, используя местную китайскую полицию для административного давления, обысков и арестов «до выяснения обстоятельств». Отношение китайского населения к сотрудникам дороги варьировалось от делового сотрудничества до открытой враждебности, подпитываемой ростом национализма.

23 марта 1935 года, в условиях фактической невозможности дальнейшей эксплуатации, СССР подписал соглашение о продаже своей доли КВЖД правительству Маньчжоу-Го за 140 миллионов иен. Это привело к массовой репатриации сотрудников и их семей в Советский Союз; при выезде многие подвергались задержаниям со стороны китайской полиции и проверкам японских военных миссий по подозрению в шпионаже.

20 сентября 1937 года был издан Оперативный приказ НКВД № 00593, положивший начало массовым репрессиям против «харбинцев» — бывших служащих КВЖД и репатриантов из Маньчжурии.

Глава 1

19 октября 1938 года. Московская область.

Вчера весь день шёл дождь. Слабая осенняя изморось. Этого хватило, чтобы превратить и без того разбитую дорогу в глинистое месиво. Видавшая виды полупторка¹ делала по этой дороге уже четвёртый рейс за эту ночь. Надрывно воя двигателем, скрипя рессорами, пробуксовывая и поскальзываясь в колее, копия американского «Форда» пробиралась сквозь предрассветную тьму в сторону бывшей усадьбы Дрожжино, а ныне — Бутовского полигона.

Болеслав сидел на лавке возле доски, которая отделяла осужденных от конвоиров. Машину трясло и бросало из стороны в сторону на ухабах, и Болеслав бился то головой о жестяной борт кузова, то о доску. Боли он не чувствовал, но удары мешали сосредоточиться. В голове, как заезженная пластинка, прокручивались последние очные ставки. Николай. Брат Вали. Человек, с которым они вместе работали в депо, с которым делили хлеб на станции Бухэду.

— Зачем? — беззвучно шевелил губами Болеслав.

Ответа не было. Были только сухие строчки протоколов, где их общие посиделки в Китае превращались в «сеансы связи с японской агентурой». Николай методично, деталь за деталью, скармливал следствию их жизнь. Каждый вечер, когда Болеслав заходил к ним лишь для того, чтобы увидеть Валу, Николай перелицевал в шпионскую явку.

Почему он это сделал? Из страха перед пытками? Или в нем всегда жила эта тёмная, тихая зависть, которую Болеслав не замечал за своей наивной верой в людей? Николай ведь знал, что, называя их общую квартиру конспиративной, он подставляет под удар и свою родную сестру. Неужели инстинкт самосохранения настолько вытравил в нем человека, что он согласился бросить Валу в этот же костёр?

Молнией вспыхнуло воспоминание, когда он впервые увидел Валу. Она смущённо отводила глаза, он же не мог оторвать взгляда от ее лица. С того дня он стал бывать у Николая чаще и чаще, чуть ли не каждый день. Цель была только одна — увидеть Валу. Момент, когда он впервые коснулся ее руки, отпечатался в памяти как фотография. Первый танец под хриплую музыку из патефона. Много позже — первый поцелуй.

Когда они решили пожениться, казалось, Николай был безмерно счастлив за сестру, считал Болеслава лучшим выбором. Спустя всего пару лет он будет обвинять Болеслава в чудовищных вещах — измене Родине, диверсиях, антисоветской агитации.

В 1934 году, когда новости о предстоящей продаже КВЖД японцам уже знали все, в квартиру Браже нагрянула китайская полиция. Арестовали всех, кто там был — Николая, Болеслава, Валентину и ещё пару знакомых. Под надуманным предлогом — нарушение паспортного режима, Болеслава продержали в тюрьме два месяца. Выпустили со справкой о выдворении за пределы Маньчжоу-Го. Это задержание, впоследствии, станет ключевым фактом в деле Болеслава. Якобы за время в тюрьме он и был завербован японской разведкой и отправлен в СССР под прикрытием депортации.

После переезда из Китая в Москву он с родителями и Валею жил в старом вагоне №4459 в тупике, на Октябрьской железной дороге, возле станции Москва — товарная. Не люкс, конечно, но тепло и сухо. Зарплата позволяла жить неплохо, после отмены карточек в магазинах можно было купить хорошие продукты, иногда даже без огромных очередей. Даже в близ-

¹ Полупторка — разговорное название советского грузового автомобиля ГАЗ-АА грузоподъёмностью 1,5 тонны, широко использовавшегося в 1930–40-е годы.

лежащих магазинах можно было купить Советский сыр и, новинку, Докторскую колбасу. На рынке брали мясо и овощи, хотя цены там, конечно, кусались.

Через три года после переезда у Болеслава и Вали родился сын. Гена. Геннадий Болеславович, как шутливо называл его дед. Болеслав поморщился – как они с Валеёй? Наверняка Валею затаскали на допросы, но родители помогают с сыном. Всегда помогали. Только если... Нет, не могут арестовать и Валею. Она с грудным ребёнком, совсем молодая девчонка. Следовательно не могут не видеть, что в ней точно нет никакой угрозы.

Болеслав вздрогнул, когда справа от него что-то лязгнуло. Это конвойный открыл маленькое окошко в задней двери. Закурил. Запах армейской махорки был куда приятней той, которой делились арестанты: в этой чувствовался аромат настоящего табака. Болеслав жадно втянул запах носом. Вспомнил, как в прошлом году к ним приезжал Стас, его родной брат. Станислав угощал его американскими сигаретами, Lucky Strike, кажется. Жизнь в портовом городе и неплохая должность позволяли ему такую роскошь. Станислав рассказывал о жизни в городе, вскользь упомянув работу в крайкоме профсоюзов и — самое главное — то, что они с Антониной ждут второго ребёнка! Тогда же Болеслав впервые показал Стасу сына.

«Если даже мне придётся отсидеть эти пять, десять, может даже больше, после этого я заберу Валею, сына, и мы поедем во Владивосток, к Станиславу», — подумал Болеслав. «Родной брат, при хорошей должности, обязательно поможет встать на ноги, найти работу. Обоснуемся, дети пойдут и заживём как люди. Ничего, всё у меня ещё впереди, надо собраться и пережить это... недоразумение.»

От ареста до сегодняшнего дня он сидел в «Таганке», Таганской тюрьме. Место не самое приятное, особенно жуткие камеры, рассчитанные на двадцать-тридцать человек, в то время как сейчас там могло сидеть до сотни. Правда, многих часто уводили на допросы, и можно было занять место у стены, чтобы немного поспать.

Сон был там единственной ценностью, но и его отнимали допросы. Сколько их было? Все заканчивались одним и тем же –

-Вы признаете, что были завербованы агентами японской разведки с целью проведения диверсионной и разведывательной работы в СССР?

На что Болеслав всегда отвечал - нет. Следовательно едва заметно улыбался, делал какую-то пометку в деле и Болеслава снова отводили в камеру.

Тот допрос, на котором Болеслав подписал признание, длился около двух суток. Все это время он простоял у стены. Следователи менялись, пили чай, болтали о всякой ерунде друг с другом, а он просто стоял и смотрел в пол. Когда он засыпал, его пинали в бок с криком: «Не спать!». На вторые сутки он уже мало что соображал. Слова следователей слились в один фоновый шум. Он хотел только одного — спать. Стоя, сидя, лёжа — без разницы.

Последним был следователь, молодой человек с аккуратным пробором и пахнущий одеколоном «Тэжэ». Он лениво перелистывал пухлую папку с делом Болеслава.

— Ты упрямисься, Шершенович, и это выглядит глупо, — следователь не повышал голоса. — Николай Петрович Браже оказался умнее. Он понял, что против фактов не пойдёшь. Он подробно описал ваши встречи в Бухэду. И про «японский центр» в его квартире, и про твои инструкции.

Следователь пододвинул к Болеславу лист, исписанный знакомым почерком Николая.

— Видишь? Он уже всё подтвердил. Теперь послушай меня внимательно. Ты сейчас думаешь о чести, о правде. А я думаю о твоей жене. Валентина Петровна ведь тоже жила в той квартире. По закону, если ты не признаешь свою вину, она идёт как активная соучастница шпионской группы. Статья 58–8. Террор. Это расстрел, Болеслав. Для обоих.

Болеслав попытался что-то сказать, но горло пересохло, издав лишь хрип. Следователь налил в стакан воды, но не протянул его, а поставил рядом с собой.

— А теперь подумай о Гене. Если вас обоих... — он сделал паузу, — ...выведут в расход, мальчик пойдёт в спецдетдом. Ему сменят фамилию. Он никогда не узнает, кто вы. Он будет расти с клеймом сына врагов народа, но даже не будет знать своего настоящего имени. Мы умеем стирать память, Болеслав.

Следователь наклонился ближе. Его голос стал доверительным, почти отеческим.

— Но есть другой вариант. Ты подписываешь эти протоколы. Ты берёшь всё на себя. Николай подтверждает, что ты втянул его в тёмную, а Валя вообще ничего не знала. Мы выводим её из дела. Она возвращается в ваш вагон, к сыну. Да, ты получишь срок. Пять, десять лет — какая разница? Зато они будут жить. Ты сохранишь им жизнь одной подписью. Разве это не стоит того? Неужели твоё упрямство важнее будущего твоего Генки?

Болеслав смотрел на лист бумаги. Буквы плыли, превращаясь в черных червей. Усталость вытравила способность рассуждать логически. В голове пульсировала только одна мысль: «Валя и Гена. Она должна вернуться к сыну».

— Если я подпишу... вы её не тронете? — голос Болеслава был едва слышен.

— Даю слово советского офицера, — следователь пододвинул чернильницу и протянул ручку. — Как только чернила высохнут, я аннулирую ее дело за отсутствием состава преступления. Ты просто подтверждаешь то, что уже сказал Николай. Это формальность, Болеслав. Колея уже проложена, тебе просто нужно перестать упираться в стенки.

Рука Болеслава была чужой, непослушной. Он не читал текст. Он видел только лицо Вали и спящего Генку на байковом одеяле. Когда перо коснулось бумаги, он почувствовал странное облегчение — борьба закончилась. Когда его вернули в камеру, он рухнул в сон прямо у двери.

Снилось ему, что он опять оказался в Сумбейском концлагере. На плацу он сидит на стуле, над ним нависают несколько гоминьдановских полицейских² и наперебой требуют, чтобы он отказался от СССР. Недалеко, под светом фонаря, стоит Валя, с Генкой на руках. Смотрит на него умоляюще... но что она хочет? Болеслав не понимает, что делать и просто кричит в темноту. Когда он проснулся, сокамерники сказали, что он кричал и плакал во сне.

Когда, в 1929, произошёл конфликт вокруг КВЖД, гоминьдановцы и солдаты Чжан Сюэляна³ стали арестовывать всех, кто принадлежал или сочувствовал большевикам. Несколько тысяч арестантов согнали в бывшие артиллерийские казармы в пригороде Харбина, которые переоборудовали в концлагерь. Условия в Сумбее, пожалуй, были похуже, чем в Таганке. Кормили кормовым зерном и иногда почти пустой похлёбкой. Спали все вповалку на земле, на тонких циновках. Часто заключённых избивали без видимого повода.

В декабре русские, служившие в гоминьданской полиции, стали источником слухов, что к Харбину стремительно приближается Дальневосточная армия под командованием Блюхера. Что советские танки уже в паре дней езды до Харбина. Они же первые дезертировали из полиции, бросив оружие и форму.

В конце декабря 1929 года был ратифицирован Хабаровский протокол, фактически ознаменовавший собой полную и безоговорочную победу СССР в этом конфликте. Вскоре Болеслав и все остальные арестанты вышли на свободу.

² правоохранительные органы Китайской Республики под руководством партии Гоминьдан. В Маньчжурии конца 1920-х годов полиция, подконтрольная «Молодому маршалу» Чжан Сюэляну, осуществляла жесткий надзор за советскими служащими КВЖД. В ходе конфликта 1929 года гоминьдановцы проводили массовые аресты и интернирование граждан СССР в концлагеря (в частности, Сумбей), часто привлекая в качестве консультантов и переводчиков представителей русской белоэмиграции.

³ Чжан Сюэлян (1901–2001) — «Молодой маршал», правитель Маньчжурии в 1928–1931 гг. Сын маршала Чжан Цзолиня. В 1929 году спровоцировал вооруженный конфликт на КВЖД, попытавшись силой захватить дорогу, что привело к массовым арестам советских служащих. После военного разгрома войсками Красной армии (ОДВА) был вынужден подписать Хабаровский протокол. Позже стал инициатором «Сианьского инцидента» (1936), принудив Чан Кайши к союзу с коммунистами против Японии, за что провел под домашним арестом более 50 лет.

Зато в Таганской тюрьме, в отличие от Сумбея, почти не били. В камере с Болеславом сидел здоровый мужик, Василий. Лет сорока, ростом под два метра, косая сажень в плечах. Тоже харбинец. Работал молотобойцем в кузнечном цеху. Как-то его увели на допрос и вернули только через два дня. На лице были кровоподтёки, но самое страшное — четыре сломанных пальца на правой руке. Как он потом рассказал, когда следователи поняли, что удар он держит и не боится, они сказали: «Или ты подписываешь признание, или мы ломаем тебе пальцы по одному». Начали с мизинца. После указательного он все подписал.левой рукой.

В памяти всплыл закадычный друг Болеслава — рыжий Сашка. Судьба свела их несколько лет назад, с тех пор они все время были рядом. Работали в одном цеху, вместе ходили в кино, пили шикарное пиво "Harbin Beer" в пивной Mars на углу Китайской и Корейской улиц. Один раз их даже задержал патруль японской военной полиции, когда вечером они тащили домой ящик американской тушёнки, который выменяли на полушубок у сторожа складов на Пристани, деда Егора. Тушёнку у них, конечно, забрали; офицер что-то долго и зло кричал им на японском, а Сашку ударил по лицу своей бамбуковой тростью. С тех пор у Сашки над правым глазом остался шрам, которым тот даже гордился.

Сашка вообще был оптимистом по жизни. Когда пошли разговоры, что КВЖД отдадут японцам и придётся уезжать, Сашка рассказал Болеславу, что поедет в Америку. Показывал американские журналы с красивыми девушками, машинами, товарами. Возможно, если бы не Мария Петровна, мать жены Станислава, Антонины, Болеслав поехал бы с ним. Но Мария Петровна имела в семье непререкаемый авторитет, и её словам редко кто пытался возражать. Вот и тогда, на семейном ужине, она объясняла всем, что ехать надо только в СССР.

— Советская власть обещает предоставить всем достойное жилье и работу! — говорила она, доставая пироги из духовки, которые она почему-то называла "кух". — Наш опыт железнодорожников сейчас очень нужен Родине! Через десять-двадцать лет СССР станет самой могучей и справедливой страной в мире, и тогда уже все люди будут стараться переехать туда. Но всех подряд мы брать не будем — только пролетариат и крестьянство. Буржуи так и останутся в своих разваливающихся странах и с завистью будут глядеть на нашу великую Родину, построенную великими Лениным и Сталиным. Пробуйте пирожки, здесь с картошкой и с капустой.

Звучало заманчиво, поэтому к планам Сашки Болеслав тогда отнёсся скептически. Интересно, где сейчас Саша? Последнее письмо от него он получил, ещё будучи в Харбине. Сашка писал из Дайрена⁴, что уже купил билет на пароход до Иокогамы, где переседет на пароход до Сан-Франциско. Обещал писать. Но вскоре Болеслав с семьёй уехали из Харбина в Москву, и связь оказалась потеряна навсегда.

«Эх, может, и правда надо было тогда с Сашкой...» — подумал Болеслав.

В открытом конвоиром окошке темноту прорезал яркий белый свет прожектора. Машина проехала ещё полсотни метров и остановилась. Было слышно, как кто-то переговаривается с водителем. Из-за тархтения сорокасильного движка речь была почти неразличима, но Болеслав расслышал: «четвёртый рейс» и «конец смены». Потом раздался лязг и тяжёлый скрип железных ворот. Машина снова дёрнулась и не спеша поползла внутрь — за забор, обитый фанерой и рогожей, с колючей проволокой наверху.

Спустя минуту машина снова остановилась, и двигатель наконец-то заглох. Но ожидаемой тишины не было. Пространство вокруг наполнял лай десятков собак, крики солдат и тархтение двигателя какого-то механизма.

Снаружи лязгнул засов, и задние двери фургона отворились. Холодный предутренний ветер ворвался в душный, пропахший потом и застарелым страхом кузов. Прямо внутрь мерт-

⁴ Дайрен — название города Далянь в период японского контроля над Южной Маньчжурией (1905–1945); в русской и японской традиции того времени употреблялось именно это название.

венно-бледным светом бил прожектор с вышки охраны. Конвоиры легко прыгнули на землю и встали рядом с открывшими двери солдатами.

— Выходить по одному! Живо! — рявкнул голос из темноты. — Вещи оставить в машине! Потом заберёте на складе!

Болеслав вздрогнул. Планы о Владивостоке, о детях и помощи брата-профсоюзника мгновенно потускнели, как старая фотография. Он неуклюже двинулся к обреза кузова. Ноги, затёкшие за почти год в Таганке и три часа в этой стальной коробке, почти не слушались. Он прыгнул.

Подошвы рваных ботинок скользнули по глинистому месиву, и Болеслав рухнул на колени. Холодная, липкая грязь мгновенно пропитала брюки и испачкала полы старого серого «харбинского» пиджака, которым он так когда-то гордился.

— Встать! Руки за спину! Смотреть в землю! — над самым ухом прохрипел конвоир. Болеслав мельком увидел начищенный до блеска сапог и тусклый блеск штыка.

Болеслав тяжело встал и подошёл к борту грузовика. Его взгляд упал на надпись «ХЛЕБ». Сколько таких грузовиков он видел на дорогах Москвы...

Заключённые встали в шеренгу и под конвоем двинулись в сторону барака. Зайдя внутрь, Болеслав увидел длинный стол, освещённый несколькими тусклыми лампами, за которым сидели офицеры НКВД. У противоположной стены стояли несколько десятков арестантов, вероятно, привезённых ранее. Офицеры называли фамилии, и арестанты по одному подходили к столу.

Очередь двигалась быстро. Болеслав видел только затылок Василия-молотобойца. Тот стоял прямо, как скала, но его сломанные пальцы мелко дрожали.

— Шершенович Болеслав Иосифович! — негромко, но отчётливо произнёс офицер за столом.

Болеслав сделал шаг вперёд. Сердце колотилось где-то в горле. За столом сидел человек в гимнастёрке, на вид — ровесник Стаса. У него было усталое, заспанное лицо и красные от бессонницы глаза. Перед ним лежал тот самый «альбомный список» — длинные узкие листы, исписанные мелким почерком. Офицер даже не поднял головы.

— Год рождения? — спросил он, и в его голосе не было ни злобы, ни интереса. Только бесконечная скука человека, который делает одну и ту же работу десятый час подряд.

— Тысяча девятьсот... седь..., — голос Болеслава сорвался, и он откашлялся. — Седьмой.

— Место рождения?

— Город Красноводск.

— Красноводск? Где это? — лениво спросил офицер.

— В Туркмении.

Офицер глянул в лицо Болеслава, хмыкнул и медленно провёл пальцем по строке. Его ноготь, аккуратно подстриженный, остановился напротив фамилии «Шершенович». Он на секунду замер, сверяя что-то в уме, а затем поставил жирную галочку фиолетовым карандашом.

— В ту дверь, — офицер коротко мотнул подбородком в сторону тёмного выхода в конце барака.

— Гражданин начальник, — Болеслав подался вперёд, — а вещи? Нам сказали, склад в другом бараке...

Офицер снова поднял взгляд. Это был пустой, стеклянный взгляд человека, который смотрит сквозь тебя, как через оконное стекло.

— Проходи, не задерживай очередь, — так же буднично повторил он. — На месте разбираются.

Болеслав побрёл к выходу. За его спиной офицер уже вызывал следующего. Механизм сработал. Галочка была поставлена. Болеслав Иосифович Шершенович перестал быть подследственным Таганской тюрьмы. Он стал выполненным пунктом протокола Тройки №...

Болеслав толкнул тяжёлую заднюю дверь барака. Он ожидал увидеть двор, другие постройки или хотя бы свет фонарей над входом в тот самый «склад вещей», о котором говорил офицер. Но за дверью была только пустота.

Сырой предрассветный туман, густой и тяжёлый, как вата, мгновенно облепил лицо. Света здесь почти не было — лишь тусклые отблески прожекторов, которые едва пробивались сквозь кроны берёз. Прямо от порога вглубь леса уходила узкая тропа, густо посыпанная свежими опилками. Они были ещё чистыми, сухими и пахли хвоей — этот мирный, почти домашний запах в этом месте казался безумием.

— Шевелись! — короткий толчок в спину заставил Болеслава сделать первый шаг.

Под слоем опилок хлюпала всё та же жадная подмосковная глина. Рядом, почти вплотную к нему, тяжело дышал Василий. Молотобоец шёл медленно, его огромная тень в тумане казалась изломанной.

И тут Болеслав услышал его. Тот самый звук, который он принял за шум какого-то «механизма» ещё в кузове грузовика. Теперь это был не просто рокот — это был надрывный, захлёбывающийся рёв тракторного двигателя. Трактор стоял совсем рядом, за пеленой тумана. Он не пахал и не строил. Он просто работал на высоких оборотах, сжигая топливо и наполняя лес едким сизым дымом, который смешивался с туманом.

Инженерный мозг Болеслава мгновенно выдал расчёт: трактор нужен здесь только для одного — заглушить звуки. Слишком громкий, слишком искусственный шум для тихого усадебного леса.

Тропа оборвалась внезапно. Опилки закончились, и перед Болеславом открылось пространство, где земля была вывернута наизнанку. Это был край огромного, длинного рва. Свежевырытый откос из рыжей глины обрывался вниз, в темноту.

Болеслав остановился. Запах... Теперь он почувствовал его по-настоящему. Это был не запах опилок и не гарь трактора. Это был густой, сладковатый запах сырой, потревоженной земли, смешанный с чем-то ещё — металлическим, ржавым. Так пахнет в глубоком колодце или в подвале, который не открывали десятилетиями.

В этот момент Болеслав всё понял. Ошибка не была «чудовищной». Ошибка была заложена с самого начала, в самой конструкции. Он вспомнил слова Марии Петровны о «могучей и справедливой стране». Справедливость здесь измерялась кубометрами вырытой земли, а могущество — скоростью, с которой конвейер перерабатывал людей в эти кубометры.

Где-то рядом в тумане раздался глухой выстрел, почти заглушенный работающим двигателем трактора. Мягкий звук падающего тела, похожий на звук от брошенного на пол мешка с зерном. Ещё выстрел, теперь слева, чуть ближе.

«Конвейер, — подумал Болеслав. — Это отлично отлаженный конвейер, как на заводе».

Сзади два человека взяли его под локти. Движение было будничным, почти вежливым, как у проводника в вагоне КВЖД, помогающего пассажиру сойти на перрон.

— Становись здесь, — негромко сказал голос.

Болеслав встал на самый край. Глина под подошвами рваных ботинок начала медленно проседать. Он поднял глаза. Сквозь верхушки берёз едва пробивался розовый цвет рассветных облаков. Мысли хаотично металась в мозгу Болеслава, вспыхивая воспоминаниями о родных, любимой работе, пивной Mars, рыжем друге Сашке.

«Lucky Strike», — почему-то вспомнил Болеслав. Вкус того самого дыма, который подарил ему брат. Последний подарок из того, настоящего мира.

Сзади раздался сухой, деловитый щелчок взводимого курка. Болеслав вспомнил холодную тяжесть металла — когда-то знакомый милиционер давал ему рассмотреть свой «наган».

Он ещё тогда, помнится, восхитился лаконичным совершенством конструкции. И сейчас, как инженер, он мгновенно представил, что происходит внутри воронёного стального корпуса.

Сработала пружина. Барабан револьвера качнулся вперёд, плотно прижимаясь дульцем гильзы к казённому срезу ствола. Знаменитый «нагановский» obturator замкнул цепь. В этой системе не было зазоров. Ни один грамм пороховых газов не должен был вырваться наружу, ни один лишний звук не должен был покинуть этот стальной механизм.

Болеслав почувствовал короткое прикосновение металла к основанию черепа. Ствол был влажным от тумана, и этот холод на секунду показался Болеславу странно отрезвляющим.

«Газовый стык... — последняя инженерная мысль вспыхнула и погасла. — Зазоров нет».

Палец исполнителя нажал на спуск. Само время приостановило свой привычный темп и растянуло эту последнюю секунду в тысячи раз. Внутри механизма шептало освободило боевой взвод. Боек ударил по капсюлю. Крохотная порция гремучей ртути отозвалась мгновенной вспышкой, воспламеняя пороховой заряд.

В узком пространстве гильзы родилось чудовищное давление. Свинцовая пуля весом в семь граммов сорвалась со своего места. Она прошла сквозь обжатое дульце, которое расширилось, намертво запечатывая ствол, и вошла в нарезы. Наган не выстрелил — он выплюнул сгусток свинцовой тьмы прямо в мозг Болеслава.

Звук был коротким и глухим, почти полностью поглощённым рёвом трактора «Сталинец». В грязь упал сорванный при падении маленький крестик на тоненькой верёвочке.

41

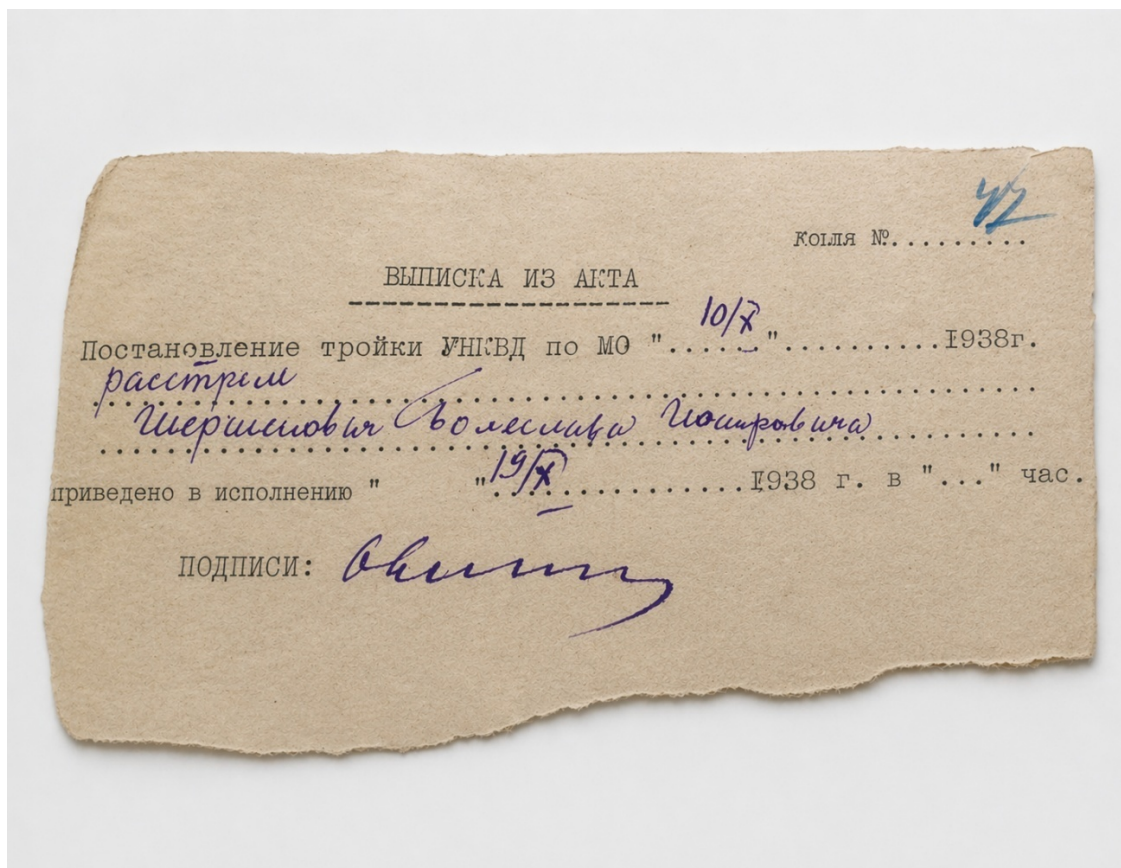
Выписка из протокола

заседания судебной тройки при Управлении НКВД СССР по МО
от „10“ октября 1938г.

С Л У Ш А Л И	П О С Т А Н О В И Л И
И. ШЕРШНЕВИЧ Болеслава Иосифа 1907 г.р., ур.гор.Красно-ва, Ср.Аз.ж.д. по национальности поляк, гр.СССР, образование - студент Моск. гос.хим.-машиностроения (МИХМ) обвиняется в том, что в 1934 г. организован японской разведкой и для ведения разведывательной работы переброшен на территорию СССР. Связался с японским агентом и получил от него сведения о положении рабочих ж.д.узла ст. Калуга, дал установку БРАЖЕ ак-	ШЕРШНЕВИЧА Болеслава Иосифовича РАССТРЕЛЯТЬ Лично принадлежащее имущество КОНФИСКОВАТЬ.

(см. на обороте)

Секретарь тройки

Глава 2

Июнь 1933 года. Пекин, парк Бэйхай⁵.

Ама⁶держала черный, пахнувший кожей и лаком аппарат так же бережно, как держала маленькую Нину — двумя руками, чуть дыша. Станислав всё настроил сам. Ей нужно было только посмотреть в маленький стеклянный глазок и нажать на серебристую кнопку.

Она нажала. Подушечка её пальца, огрубевшая от стирки пелёнок, коснулась прохладного металла спуска.

Внутри немецкой «Лейки» не было ни тугих боевых пружин, ни капсюлей с гремучей ртутью. Это был мир другой механики — мир крошечных латунных шестерёнок и полированных рычагов, подогнанных друг к другу с часовой точностью.

Мягко щёлкнув, освободился фиксатор. Две шторки затвора, сделанные из прорезиненного шелка, скользнули горизонтально вдоль кадрового окна. На сотую долю секунды между ними образовалась щель.

Этого было достаточно. Ослепительный, жаркий пекинский свет, собранный линзами фирменного объектива Leica, в тугой пучок, хлынул внутрь темной камеры.

Здесь не было взрыва и чудовищного давления. Свет не убивал — он ложился на чувствительную эмульсию фотоплёнки, жадно впитываясь в бромид серебра. Он запечатлевал мгновение: белоснежную рубашку Станислава, лёгкий наклон головы Антонины, резную тень от крыши беседки и блики солнца на воде озера Бэйхай.

Шёлковые шторки захлопнулись с тихим, деликатным шелестом, который тут же потонул в звоне цикад.

— Спасибо, Ама, — Станислав легко пробежал по ступенькам беседки и забрал у неё камеру.

Он привычным движением взвёл курок перемотки плёнки, готовя аппарат к следующему кадру. В этот момент он был не старшим лейтенантом ОГПУ, а просто счастливым мужем и отцом, который хотел остановить время. Он ещё не знал, что этот механизм из латуни и стекла окажется надёжнее человеческой памяти. Через пять лет этот негатив станет единственным доказательством того, что этот солнечный день, эта беседка и их счастье вообще существовали в реальности.

— Стас, давай сделаем фото Нины и Амы, у тебя осталась ещё плёнка?

Станислав глянул на счётчик кадров

— Да, девять кадров.

Антонина отчётливо, почти по слогам сказала Аме — Присядь рядом с Ниной. Будет фото. Красиво!

Ама поняла, заулыбалась и бросилась поправлять волосы и одежду

— Будет класиво — затараторила она — Ама и Нина класиво!

Станислав навёл фотоаппарат на Аму и Нину. Щелчок, и ещё один кадр жизни был отпечатан на плёнке.

Станислав обожал фототехнику. Она казалась ему самым совершенным механизмом на земле. Это сосредоточение механики, физики и химии служило, по его мнению, самой благой цели — оставить память. Память о людях, событиях, временах. Как же жаль, что человечество изобрело фотографию так поздно. Сколько всего мы могли бы узнать, увидеть, даже почув-

⁵ Бэйхай - один из старейших императорских парков Пекина, расположенный рядом с Запретным городом. В 1930-е годы был открыт для публики и оставался знаковым местом столицы, соединяющим имперское прошлое и новую реальность Китая.

⁶ Ама – (суш.) так называли в русскоязычных семьях китайских нянь и, иногда, домработниц.

ствовать того, что было раньше. Зато следующие поколения уже точно будут видеть мир точно таким, каким его видим мы.

— Стас! — позвала Антонина — Пусть Нина поспит здесь, в беседке, а мы пока прогуляемся вокруг озера.

— Хорошо — ответил Стас и бросил няне короткое: «Чжаогу-хао сяо-цзе шуй-цзяо»⁷. Ама послушно склонила голову. Антонина лишь вздохнула — она так и не привыкла к этим гортанным звукам, которые муж произносил так легко».

Станислав смотрел на Антонину. Всего месяц назад она перенесла тяжёлые роды, а сегодня выглядела просто шикарно. Лёгкое платье подчёркивало ее ничуть не изменившуюся изящную фигуру. Это был их первый выход на длительную прогулку и Антонине она давалась относительно легко. Только на велосипеде она проехала всего метров сто и пожаловалась на лёгкую боль внизу живота. В остальном она чувствовала себе отлично.

— Стас, я говорила тебе, что вчера получила письмо от мамы? Нет? Видимо закрутилась с Ниной. Мама пишет, что у неё всё отлично. Она устроилась буфетчицей на Курском вокзале. Все как она любит — вокруг много людей, шум суета — улыбнулась Антонина.

— Как там вообще, в Москве? Что пишет? — спросил Станислав.

— Говорит, нормально. Продукты есть, транспорт ходит. Живёт, правда, в коммуналке, зато недалеко от центра. Где-то в районе Китай-города. Но я её знаю, она обязательно добьётся лучшего. Сейчас она уже, наверное, получила моё письмо о рождении Нины. Ох и обрадовалась, наверное. А мы сможем отправить ей нашу совместную фотографию?

— Конечно, что за вопрос? Проявлю эту плёнку, там как раз должно быть несколько красивых кадров.

— Ещё она очень ждёт нас — вздохнула Антонина — Говорит, что сейчас там настоящая жизнь. Всё строится, новые заводы, фабрики. Я тоже читала об этом в газетах. Пишут, что запустили ДнепроГЭС, это самая большая электростанция в Европе. Теперь во всем Союзе будет тепло и светло. А в Челябинске, помнишь Валю, из отдела статистики, она как раз оттуда, построили огромный тракторный завод. В газете написали, что трактор “Сталинец” — лучший в мире, ничего подобного ни у кого нет.

— Да — рассеяно ответил Станислав — ни у кого...

— И я вот думаю — снова заговорила Тоня — может все-таки подумаем о переводе? Ну сколько можно здесь сидеть? Ты хотя бы понимаешь по-китайски, я же не могу выучить и нескольких слов. Тяжёлый он для меня, непонятный. Вчера на рынке полчаса не могла объяснить продавцу, что мне нужна репа, а не морковь. Так и не понял. Так как, Стас, подумаем? Ты ведь можешь получить отличные рекомендации от самого Богомолова⁸.

— Подумаем, Тонечка, обязательно подумаем. Мне надо кое-какие дела доделать, может ещё полгода-год, не больше. Самому уже этот Китай поперёк горла. Но служба есть служба, ничего не поделаешь.

Они остановились у небольшой пристани. Мимо проплывала пара уток-мандаринок. Их разноцветное оперение, красивейшие лотосы, ивы, склонившиеся к воде, всё это создавало чувство полнейшей гармонии и единения с природой. Здесь казалось, что так и во всем мире — красиво, солнечно, тепло, беззаботно.

“Как ей сказать о том, что мы не поедem в Москву?” — мучительно думал Станислав. В отличие от жены он читал не только советские газеты и имел доступ к документам, которые заставляли задуматься. Да, с одной стороны, страна росла и крепла сумасшедшими темпами. Но с другой... По работе он не пропускал ни одного номера антисоветской харбинской

⁷ Zhàogù hǎo xiǎojiě shuǐjiào - Китайский, упрощ. - Позаботься, чтобы барышня спала.

⁸ Богомолов Дмитрий Васильевич — советский дипломат, полномочный представитель СССР в Китайской Республике в 1933–1937 годах. После отъезда в СССР в период массовых репрессий был арестован и расстрелян.

“Зари”. Там много писали о голоде в деревнях в Советской Украине и на Кубани. Писали о многочисленных арестах тех, кто возвращался в СССР из-за границы, а потом они бесследно исчезали. Читал парижскую газету Петра Струве “Возрождение”, где писали о строительстве СЛОНа — огромного Соловецкого Лагеря Особого Назначения и о, якобы, массовых расстрелах там. Конечно, он понимал, что львиная доля этого — откровенное вранье, чтобы получить от западных капиталистов средства на поддержку белоэмигрантского движения. Но если хотя бы капля из этого правда... В последнее время он стал в разы больше получать указаний о проверке того или иного сотрудника полпредства на предмет лояльности советской власти. Донесения китайских товарищей, которые он передавал в особый отдел, теперь проверялись все более тщательно и детально. Создавалось впечатление, что власти перестают верить всем. Даже части самой себя. А он и был этой частью.

Вначале он думал вернуться в Хабаровск, где начинал свою деятельность ещё будучи внештатным корреспондентом армейской газеты “Тревога”. Тогда, за умение подмечать детали, аналитический ум, знание китайского языка и фотодела, его и заметил Гай Лазаревич Туманян, главред “Тревоги”, Первый секретарь консульства СССР в Пекине, но по совместительству и сотрудник РазведУпра РККА. Впоследствии, Станислав все чаще получал от Туманяна задания о контактах с китайскими товарищами, их проверке, иногда слежке и наблюдении. Отчёты от Станислава ложились на стол Туманяна регулярно и за короткое время Станислав стал для Туманяна одним из наиболее ценных сотрудников. И три кубаря в петлице Станислава, скорее всего, были признанием Туманяном его ценности.

Его мысли нарушил голос Антонины.

— Может пойдём домой, Стас? Если честно, я немного устала. Можем по пути зайти в Чурин⁹, купить ананас, взять бутылочку Шато Марго, я не пила его уже, кажется, сто лет. Посидим вечером, послушаем пластинки. Я купила кое-что новенькое, тебе точно понравится. А Ама с Ниной побудет в детской.

Они двинулись обратно, к беседке, где сладко спала Нина в коляске и дремала Ама.

⁹ Чурин — «Торговый дом И. Я. Чурина и Ко», крупнейшая торговая и промышленная сеть в Маньчжурии и на Дальнем Востоке. В 1930-е годы универмаги Чурина были главными центрами притяжения в Харбине и других городах региона, предлагая широкий ассортимент европейских товаров — от вин и деликатесов до одежды и парфюмерии. Для выходцев из России «Чурина» был не просто магазином, а символом качества и привычного дореволюционного комфорта.

Глава 3

Июнь 1933 года. Пекин.

Они вышли из ворот Бэйхая, и шум города мгновенно поглотил их. После прохлады озера этот гомон казался почти осязаемым: звон велосипедных колокольчиков, крики уличных торговцев и мерный топот босых ног рикш.

Станислав катил велосипед одной рукой. Вторая его ладонь привычно лежала в кармане пиджака. Антонина шла рядом, то и дело оглядываясь на Аму. Няня, словно маленькая черно-белая тень, бесшумно толкала перед собой коляску.

На углу, где начинались кварталы с европейской застройкой, над входом в массивное здание сияла вывеска: «И. Я. Чуринь и Ко». Буквы с “ятями” выглядели здесь, в сердце Китая, как привет из безвозвратно ушедшей России.

— Зайдём, Стас? — Антонина коснулась его локтя. — Аграфена Ивановна просила муки и масла. И мяса... Она обещала сделать то самое жаркое в горшочках, с черносливом.

Станислав кивнул. Он прислонил велосипед к стене у входа, кивнул Аме, чтобы та осталась с коляской в тени навеса, и они вошли внутрь.

В магазине Чурина пахло иначе, чем на пекинских рынках. Здесь не было запаха соевого соуса и жареного кунжута. Здесь пахло домом: свежесдобленным ржаным хлебом, копчёной краковской колбасой и ванилью.

У мясного прилавка Станислав внимательно наблюдал, как приказчик в белоснежном фартуке ловко орудует тяжёлым тесаком. — Вот этот край, — Антонина указала на кусок парной говядины с тонкими прожилками жира. — Аграфена Ивановна говорит, что для жаркого мясо должно «дышать».

Пока приказчик заворачивал свёрток в плотную вощёную бумагу, Станислав отошёл к винному отделу. Его взгляд скользил по рядам этикеток. В Пекине можно было достать всё, что угодно. Он протянул руку и снял с полки бутылку с темным стеклом. Chateau Margaux. Настоящее, французское.

«Интересно, есть ли такое в Союзе? Будем надеяться», — мелькнуло в голове.

— Ещё вина, Стас? — подошла Антонина. — У нас ведь праздник? Нине — месяц, и мы... мы ведь скоро едем домой?

— Домой, — эхом отозвался Станислав, расплачиваясь хрустящими купюрами. — Домой, Тоня.

Он подхватил тяжёлый бумажный пакет, от которого пахло кровью и свежей бумагой. Выходя на улицу, он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Завтра в этом же магазине этот же приказчик может передать конверт «кому надо», и вся их нарядная жизнь превратится в пухлую папку с донесениями. Но сегодня на ужин будет жаркое и французское ви

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.